

Надо отметить, что в последнее время в изучении экономики и социальной структуры поздневизантийского города явный перевес берут сторонники концепции об упадке византийских городов этой эпохи. Если в более ранних трудах советских византинистов боролись две точки зрения — одни ученые отстаивали концепцию о зарождении в поздней Византии элементов предкапиталистических отношений, другие же подчеркивали отставание экономики византийских городов по сравнению с Западом, например Италией, то теперь голоса в защиту поступательного развития городской экономики XIII—XV вв. раздаются все реже³¹.

Классовая борьба в городах империи изучалась в последние годы А. А. Чекаловой, Г. Л. Курбатовым, Г. Г. Литавриным, М. А. Поляковской. А. А. Чекалова посвятила свое исследование восстанию Ника 532 г. в Константинополе и пришла к выводу, что главной движущей силой его были народные массы³².

Г. Л. Курбатов полемизирует с А. Кэмероном по вопросу о византийских димах и фракциях. Он отстаивает тезис о социальном характере движения димов в ранней Византии. Оценка А. Кэмероном борьбы партий как деятельности цирковых спортивных организаций, опиравшихся на небольшие группы «индивидуальных сторонников», по мнению Г. Л. Курбатова, опровергается многочисленными фактами массовых социальных выступлений городского населения.

Г. Г. Литаврин рассмотрел восстание 1042 г. в византийской столице. Оно, по мнению автора, явилось выражением глубокого кризиса бюрократического режима имперской автократии, приведшего к столкновению трех политических сил — чиновной бюрократии, светской знати и богатой торгово-ремесленной верхушкой Константинополя. М. А. Поляковская собрала новые данные о социальных конфликтах в городах поздней Византии.

Все большее место в трудах советских исследователей в последние годы занимает социальная структура византийского общества.

В теоретическом аспекте на обширном материале источников XI—XII вв. (в частности, просопографическом) эта проблема рассмотрена в обобщающем труде А. П. Каждана³³.

В этой книге дана характеристика различных группировок византийской правящей элиты, показаны отдельные ее градации, определявшиеся как положением данного лица в чиновной иерархии, так и его богатством. Автор подчеркивает отсутствие в Византии сословной системы и замкнутого правящего сословия. Социальная стратиграфия византийского общества отличалась нестабильностью, вертикальная мобильность играла в ней значительную роль. Однако при Комнинах происходит аристократизация Византии, формируется элита аристократических семей, связанных родством с царствующим домом. Сочетание вертикальной динамики с наличием аристократических семей — главное, по мнению ученого,

³¹ Удалыцова З. В. Советское византиноведение за 50 лет, с. 211—215. Концепцию об отсутствии в городах Византии буржуазных элементов поддерживает и В. Н. Завражин. Анализируя термин «месой» в сочинении Иоанна Кантакузина, он приходит к выводу, что эти «средние» являлись представителями торгово-ростовщических кругов, связанных с местной торговлей. В них отнюдь нельзя усматривать нарождающиеся буржуазные элементы города, ибо интересы «средних» слоев и феодальной аристократии были очень близки (Завражин В. Н. «Месой» в поздневизантийском городе по данным «Истории» Иоанна Кантакузина. — В кн.: Средневековый город, вып. III, с. 224—230).

³² Чекалова А. А. Народ и сенаторская оппозиция в восстании «Ника». — ВВ, 32, 1971, с. 24—39; Курбатов Г. Л. Еще раз о византийских димах. — В кн.: Средневековый город, вып. III, с. 3—21; Литаврин Г. Г. Восстание в Константинополе в апреле 1042 г. — ВВ, 33, 1972, с. 33—46; Поляковская М. А. К вопросу о социальных противоречиях в поздневизантийском городе (по Алексею Макремволиту). — АДСВ, VIII, 1972, с. 95—107.

³³ Каждан А. П. Социальный состав господствующего класса Византии в XI—XII вв. М., 1974.